

Андреев Даниил
Леонидович
Андреева, А.А.

6.7.95

Даниила Леонидовича Андреева (1906—1959) иногда называют «русским Сведенборгом» и «русским Данте». Рожденное в тюремной камере послание человечеству, мистический трактат «Роза Мира» оказался похороненным на тридцать лет после смерти автора и только недавно был опубликован полностью. А до этого — смутные, отрывочные сведения, неясные слова о пророческом, визионерском даре автора, в возрасте пятнадцати лет увидевшего над реальным московским Кремлем Кремль незримый, небесный.

Невероятно, что есть вполне конкретный московский телефон, по которому можно позвонить, есть обычная московская квартира, переступив порог которой можно выйти в космос.

Говорят, встречные отшатывались на улицах от Данте: «Он побывал в аду!» Что же должна чувствовать женщина рядом с человеком, писавшим: «...пора уяснить себе, что за историческими событиями, масштаб которых нас ослепляет, (...) стояла все-таки именно борьба метаисторических чудовищ?» Он у в и д е л эту многовековую борьбу светлых и темных воинств и записал открытые ему понятия и имена.

Еще недавно, если звонили незнакомые и вызывали вполне даже доброжелательный интерес к «Розе Мира», она отвечала: «Я не знаю, о чем вы говорите. Такой книги нет. До свидания».

Тридцать лет с этими рукописями она сидела и молчала, иначе бы все повторилось снова: арест, тюрьма, лагерь.

Сегодня эта книга — неперенная принадлежность в квартире российского интеллигента. Но готовы ли мы воспринять андреевское послание? Скорее всего, по выражению философа Г.Померанца, мы еще на подступах, очень, очень дальних...

Хорошо, что есть человек, который может рассказать, как рождалась эта книга.

И Алла Александровна рассказывает: на встречах, не очень, может быть, многочисленных, но зато наверняка искренних и задумчивых. Читает стихи Даниила Андреева — очень много знает наизусть. Она необыкновенно красива — об этом тоже думаешь с благодарностью: под мощным натиском липовых стандартов мы уже начали забывать, что люди могут быть так красивы...

Когда Алла Александровна читает стихи Даниила Андреева, не думаешь, нравятся они тебе — как стихи именно — или нет, «твои» они или «не твои». Происходит что-то совсем другое и очень мощное, ты слышишь ритмы присподобней метели и каким-то открывающимся новым зрением видишь, как сквозь годы, а может быть, века, реет, проникает всюду, веет страшный призрак... «Я принадлежу к тем, — читаем мы в «Розе Мира», — кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией... Оба эти бедствия были для нас своего рода апокалипсисами — откровениями о могуществе Мирового Зла и о его вековой борьбе с силами Света...»

Когда Алла Александровна читает, вдруг осознаешь: времени нет, прошлого нет. Вот она, рядом, — сильный и страстный голос, и до руки можно дотронуться. Но в этот миг — остановленный? длящийся? — раздвигаются стены Владимирской тюрьмы, и тот, кто написал эти строки, снова слышит, как над затоном укладываются в гнезде цапли, и видит откосы, заречные села, лунные пятна. И снова наступает (и для нас, слушающих!) «час самодержца — всевластного стиха», открывающего мир.

В общем, это впечатление трудно объяснить — то, как она она его продолжает. Может, только у самого Андреева и искать объяснений?

Например: «"Божественная комедия" есть плод двоих, и без Беатриче она также не появилась бы на свет, как и без Данте... Мысль о постановке в Веймаре памятника Ульрике Левенцгоф, вдохновившей Гете на прекрасные стихи, — справедлива и глубока».

А тут, кажется, и еще глубже, ибо: продолжила. И ведь не просто лирические стихи. В том, что начиная с 37-го года Даниил Андреев писал, уже начались видения и прозрения судеб — России, мировых религий, челове-

Елена Чернова

Русская мысль. - Париж - 1995. - 6-12 июля. - с 10. Мир, прошедший сквозь тебя

В пространстве русской литературы совершенно особое место занимают женщины — жены, подруги великих поэтов и мыслителей. Многие из созданного великими мужами прошлого и нынешнего столетия могло бы не дойти до нас, потеряться, пропасть, если бы не они — хранительницы, продолжательницы, добрые гении, спасавшие рукописи, картины, мастерские.

ка. Зарницы того, что сочинится потом, наизусть, за 10 лет в тюремной камере, запишется по памяти за два года после выхода из заключения, — отольются в метаисторию «Розы Мира».

— Алла Александровна, расскажите немного о себе.

— Я москвичка, художник. Отец был профессор-физиолог. Мама была, слава Богу, просто мамой. Православная христианка, конечно. Вот, кажется, и все.

— А как вы познакомились с Даниилом Леонидовичем?

— Познакомились в 37-м году, на улице. А во время войны стало ясно, что должны быть вместе. Переписывались...

— Какой он был внешне?

— Очень высокий, худой. Сухопарый, с чуть приподнятыми плечами — в детстве он был очень живым мальчиком, но мог часами сидеть и писать межпланетные эпопеи-стихи, при этом до стола не доставал и подкладывал под себя ногу.

Терпеть не мог всякой физкультуры, но имел сильные ноги, страшно много ходил! Очень любил бродить босиком. Десятки верст исходил по брянским лесам, спал в лесу, ночи проводил у костра. Он слышал тех, кого он называл стихиями — стихиями природы.

Даниил необычайно рыцарски отно-

сится к женщине. Он был красив, очень, и — считал себя уродом, страшно стеснялся своей внешности. Человеческая скромность соединялась в нем с осознанием значительности.

— А свою Розу Мира увидел в тюремной камере?..

— Я это очень просто объясняю. Он

сти от мира — та же.

А без «Розы Мира», мне кажется, даже трудно понять, что происходит с нами сейчас. Он многое предвидел...

Значит, мы очень сильные люди, раз нам это досталось. И мы должны выстоять. Мы же видим ростки Розы Мира, потребность людей быть вмес-

Д.Л. Андреев и А.А. Андреева.
Фото Д. Мосолова.

те, служить добру. Но и тьма сейчас активизируется.

— Алла Александровна, вы никогда не пробовали проиллюстрировать «Розу Мира»?

— Даниилу, конечно, эта мысль не приходила в голову, ему не до того было, он еле успел все записать и

знал, кстати, всегда, что расплатой за дар будет короткая жизнь...

Мне хотелось проиллюстрировать, я даже однажды попробовала... Вот есть строка: «Смеющиеся дети вокруг дерева»... Получилась какая-то этикетка «Молдова-вино»!

Нет, это не двухмерный образ — дерево шуршит, шевелится, живет, в ветвях — жизнь...

Но вот существуют не иллюстрации, нет, а... медитации, как их называет сам автор. Это один художник из Дагестана. Ему телевизионщики сказали: звоните Алле Александровне, ваши работы — это «Роза Мира».

Я ничего не понимаю в абстрактной живописи, включая Кандинского, но это, действительно, связано с «Розой Мира».

И еще есть художник Валерий Харитонов, у него ряд картин — «После чтения Данте», «После чтения "Розы Мира"». Это удивительно...

— Православная Церковь считает «Розу Мира» ересью?

— Православные священники традиционно относятся к «Розе Мира». Я их понимаю. Православная Церковь сегодня стоит в амбразуре, отставив православие. Но у меня есть письмо одного иеромонаха, он пишет: «"Роза Мира" будит религиозное чувство. Даниил Андреев не богослов, он поэт, поэт в древнем, забытом почти значении слова — философ, визионер, пророк».

Я, как и он, считаю, что дорога русских — православие. А остальные конфессии, если они конфессии, а не секты, достойны уважения. Это — дороги. Как можно не уважать дороги к Богу!

Сейчас распускают слух, что Даниил отрекся от «Розы Мира». Нет, не верьте. Он буквально на руках у меня умер, так что я знаю каждое слово, которое он говорил.

На одной из встреч ее спросили: «Вы видите смысл жизни в служении его памяти?» Она ответила: «Слушайте, для каждого смысл жизни, как Христос сказал, очень простой — пронести душу живой. Вы хотите, чтобы я сказала: смысл моей жизни — твор-

чество Даниила Андреева? Но это то, за что я Господу дам ответ, потому что мы душевно совпадали. А смысл жизни — пронести душу, сохранить душу. И он — помогает в этом. Он рядом, всегда».

Когда рассматривали в редакции вот эту фотографию, один из нас со вздохом сказал: «Какие лица... Невероятно! Прямо унесенные ветром...» Действительно: кажется, таких лиц, такого света уже никогда-никогда не будет... Между прочим, снимок сделан 24 февраля 1959 года, за плечами у него тюрьма, у нее — лагерь.

Исчезли стены раздвигающихся, Пропали городские здания: Ярчеют звезды зажигающиеся Любимого воспоминания.

Я слышу, как в гнезде укладываются Над дремлющим затоном цапли, Как сумерки с лугов подкрадываются, Роняя голубые капли...

...Если вслушиваешься в голоса ветров, в думы людей и лесных великанов, тихо рождается гармоничное эхо в глубине сердца. Это — не свет, не звук. Это — мир, прошедший сквозь тебя и преображенный...

«Мы вступаем в цикл эпох, когда... женственное в человечестве проявит себя с небывалой силой, уравновешивая до совершенной гармонии самовластие мужественных начал».

...Есть московский телефон, по которому можно позвонить. Есть обыкновенная, «сегодняшняя», квартира, за порогом которой можно выйти в космос. Из скудного и нелепого промежуточного нашего времени, из кажушейся нашей оставленности.

Есть эта удивительная женщина — наследница русского Серебряного века, и обаятельный, живой — сегодняшний! — человек. Хранительница.

ЕЛЕНА ЧЕРНОВА
Нижний Новгород